

## ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый сборник составлен по тому же типу, как и отдельные томы нашей серии «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев», и отличается от них только своим содержанием: он составлен из отдельных произведений зарубежной мемуарной литературы (русской и украинской) и в общем охватывает весь период революции и гражданской войны на Украине.

Отзывы советской печати о названной нашей серии сходятся в том, что белогвардейские публикации безусловно должны быть использованы как нашей исследовательской и популярной исторической литературой, так и широкой советской читательской массой. Для этой последней главная ценность названных публикаций — не в том, что они дают исторический материал, отсутствующий в советской печати, а в том, что они разоблачают классовую и политическую природу белогвардейщины, ее гниль и разложение, подчас с большей убедительностью, чем кто бы то ни был другой.

Украина эпохи гражданской войны представляет чрезвычайно высокий интерес для исторического изучения, так как ни в одной из других областей бывшей Российской империи мы не наблюдаем такого множества и разнообразия сменявших друг друга в эту эпоху политических режимов, в частности белогвардейских, как именно здесь. К сожалению, не все они оставили о себе одинаково ценные исторические документы. В частности чрезвычайно скудны и даже почти отсутствуют в зарубежной печати материалы об одном из характернейших явлений украинской революции — партизанщине и бандитизме<sup>1</sup>; а между тем, эти последние в течение всего периода с 1918 по 1921 г. держали вне большой дороги украинской революции ряд отдельных местностей и районов, в которых хозяйствовали свои временные владыки. По этой причине и в нашем томе отсутствуют материалы этого рода (исключая статьи Игренева, рисунки, между прочим, любопытный эпизод пребывания Махно и махновцев в Екатеринославе). Сверх того в сборник почти вовсе не включены материалы о денкишщине, достаточно освещенной и для Украины в последнем томе 5-томной серии (Алексеев, С. А., сост., Деникин, Юденич, Врангель, Госиздат, 1927 г.). Единственным исключением является статья Гольден-

<sup>1</sup> Если не считать такого рода лживых апологетических «сочинений», как, например, анархистская брошюра Аршинова о Махно, использование которой для нашего сборника было бы невозможно, так как она потребовала бы слишком обширных оговорок и комментариев.

вейзера, дающая возможность читателю ориентироваться в общем ходе событий на Украине. В этой статье сохранена и та часть, которая посвящена денкинищине.

Весь материал сборника расположен приблизительно в хронологическом порядке событий, которым он посвящен. Как и в названной серии, и в настоящем сборнике из некоторых статей удалены описания периодов советской власти на Украине, так как эти периоды достаточно освещены в советской исторической литературе. Сверх того, в интересах сбережения места допущены некоторые сокращения за счет многословия или излишних подробностей в описании малозначительных событий. Вставки, сделанные для связи речи составителем взамен опущенного материала, заключены в прямые скобки [ ].

Центральное место в сборнике занимает статья Винниченко «Из истории украинской революции», впервые появляющаяся на русском языке (в переводе составителя). Из всего материала предлагаемого сборника статья Винниченко представляет, несомненно, наибольший интерес, и потому мы остановимся на ней в первую очередь. Остальной материал всего удобнее будет рассмотреть в хронологическом порядке описываемых событий.

Статья Винниченко посвящена главным образом как раз тому периоду этой революции, когда автор стоял в самом центре событий, возглавляя так называемую «Директорию». О событиях, представляющих выдающийся исторический интерес, нам рассказывает, таким образом, их непосредственный участник и, отчасти, руководитель; это-то и придает главный интерес его рассказу. Необходимо при этом иметь в виду, что книга Винниченко написана в тот период, когда ее автор считал себя стоящим весьма близко к коммунизму. Поэтому автор направляет жало своей критики главным образом против контрреволюционной политики Директории (которую сам же он и возглавлял) и петлюровщины. Это до некоторой степени увеличивает ценность статьи для советского читателя. Однако своей критикой автор разоблачает не только петлюровщину; он раскрывает перед нами и самого себя, как мелкобуржуазного демократа, который, несмотря на все свои потуги изобразить себя сторонником советской системы, на деле остается в самом кровном родстве с опорачиваемой им петлюровщиной. И каждому, прочитавшему статью Винниченко, становится понятным, почему этот политик, занявший через несколько месяцев после выхода своей книги пост заместителя председателя Совпаркома Украины, тотчас же бежал с этого поста, не будучи в состоянии примириться с подлинным советским строем.

Несмотря на всю свою критику Директории, автор далеко не остается объективным историком в описании ее деяний. Начнем с самого восстания, поднятого Директорией против гетмана в половине ноября 1918 г. Автор усиленно старается доказать, что не Петлюре принадлежит честь инициативы этого восстания, а всей Директории, которую он, Винниченко, возглавлял. Рассказ о

том, каким образом «возглавил» движение и попал на короткий исторический миг в «герои» Петлюра, тайком от своих друзей уехавший в Белую Церковь и выпустивший от своего имени «универсал», весьма живописен и дает должный колорит фигуре этого авантюриста.

Но, развенчивая Петлюру и выдвигая на первый план Директорию, Винниченко весьма кстати для этой Директории «забывает» о главной исторической силе в возрождении революционного движения на Украине, придушенного гетманом и немецкими оккупантами (которые были ведь приглашены—напомним кстати—политическими друзьями Винниченко): мы говорим о большевистской партии. Винниченко, стоявший почти в течение двух лет в центре политической жизни Украины, близко знавший советских деятелей в стране и одно время сам не чуждый «советской идеи» (хотя бы и «исправленном» и «дополненном» ее издании), не мог, конечно, не знать, что ни немцам, приглашенным его политическими единомышленниками, ни посаженному немцами гетману не удалось уничтожить большевизм на Украине. Уже на первомайской демонстрации 1918 г. в Киеве развевались знамена с лозунгом «Да здравствует власть советов!» Значительная часть Всеукраинского съезда профсоюзов в Киеве (май 1918 г.) голосовала за большевистскую резолюцию. Тогда же в Киеве, оторванном от ЦК РКП, организуется Временный всеукраинский ЦК коммунистической партии (независимо от центра, образованного Таганрогским совещанием). Летом 1918 г. состоялся в Москве I съезд КП(б)У, избравший постоянный ЦК. На Украине партия существовала, разумеется, в подполье, но политическое влияние ее на пролетариат, как и повсюду в районах белогвардейской оккупации, было огромно. Партией был организован центральный повстанческий комитет, была широко раскинута сеть местных повстанческих комитетов, притом—и это главное—не только в городах, но и в деревнях. Один только Киевский областной комитет большевистской партии имел организованные партизанские отряды в Богуславском, Каневском, Таращанском, Радомысловском и др. уездах. Еще важнее то, о чем свидетельствует член подпольного областкома Киевщины т. Майоров: «Сами по себе возникали отряды в селах,—говорит он,—и они командировали своих представителей в Киев для связи с большевиками». («Из истории революционной борьбы на Украине». Киев, 1922. Стр. 85. Разрядка наша.) «В Киев приходили крестьяне на явочные квартиры в союз портных... связаться с Ревкомом. В Брусиловском районе существовали партизанские отряды крестьян. Они знали, за кем идти,—они шли за большевиками, а сторонники Петлюры никакого успеха не имели, несмотря на то, что они заявляли, что Петлюра—тоже за советскую власть. Все движение шло под флагом большевиков» (там же, стр. 87. Разрядка наша). Движение шло под флагом большевиков как раз в то время, когда, по

свидетельству самого Винниченко, о Петлюре украинское крестьянство не имело никакого представления.

Движение нарастало с такой силой, что на августовском совещании парторганизаций и губ. ревкомов, созванном Киевским областком и собравшем представителей Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губерний, было решено немедленно начать восстание.

Восстание действительно произошло в августе в ряде пунктов Подольской, Киевской и Черниговской губерний, его политическим вождем был молодой ЦК КП(б)У, но оно было раздавлено германскими штыками. И как раз остатки поднявших восстание партизанских отрядов Киевщины и Черниговщины, ушедшие из-под ударов германских оккупантов, организовались на русско-украинской границе в 1-ю украинскую дивизию под командой вождя восстания на Черниговщине, украинского большевика Крапивянского.

Неудача восстания не остановила подпольной работы большевиков на Украине по подготовке нового восстания с целью свержения гетмана. К той же цели стремились и украинские националисты. Однако работа КП(б)У и работа украинских националистов проходила в далеко не равных условиях. Тогда как за загнанными в подполье большевиками охотились как германская, так и гетмановская контрразведки и прятали их в тюрьмы, будущий «головный атаман» Директории Петлюра и будущий председатель первого совета министров «Украинской народной республики» Чеховский как раз незадолго до поднятого Директорией восстания были выпущены из тюрьмы, а будущий глава Директории Винниченко (как он сам рассказывает в другой части своей книги) был вхож к гетману и вплоть до самого восстания вел с ним дружеские беседы. Несмотря на такое неравенство условий, большевистский повстанческий отряд в Киеве в момент поднятого Директорией восстания представлял настолько солидную силу, что глава петлюровского штаба в Киеве полк. Капкан именно к большевистской организации обратился с предложением о совместном выступлении в гетманской столице после того, как восстание уже вспыхнуло в Белой Церкви. Киевские большевики отвергли сотрудничество с Директорией, не желая вытаскивать для нее своими руками каштаны из огня и не располагая, после поражения августовского восстания, достаточными силами, чтобы сбросить вместе с гетманом и Директорию.

Обо всей этой подпольной работе украинских большевиков, о подготовленных ими повстанческих отрядах в украинской деревне, о популярности, которой пользовалось слово «большевик» в среде украинского крестьянства, наконец, об огромной роли, которую сыграли в распространении восстания возвратившиеся в деревню украинцы-фронтовики, с гордостью называвшие себя «большевиками», — обо всем этом не может не знать Винниченко, но обо всем этом он предпочитает умалчивать для того, чтобы тем удоб-

нее можно было в дальнейшем изображать большевистскую работу на Украине, организацию и борьбу украинского советского правительства, как дело рук «русских» большевиков, вдобавок еще и зараженных русским национализмом.

Когда Петлюра и его компаньоны подняли восстание в Белой Церкви, то образованные украинскими большевиками крестьянские повстанческие комитеты и организованное ими крестьянство, естественно, стали стекаться в Белую Церковь, чтобы свергнуть гетмана и оккупантов, тем более, что Петлюра распускал слухи через своих агентов, что и он—тоже сторонник «радянской влады» (советской власти). Именно этим и объясняется то обстоятельство, что 50-тысячная крестьянская армия «головного атамана» Петлюры вступила в Киев под «большевистскими» красными знаменами, а на этих знаменах так удивляли обывательскую публику чисто большевистские надписи: «За владу Рад», «За радянску владу» и т. п. Петлюра и прочие «вожди» повстанцев, очевидно, сознавали, что для такой армии желтоблагитное знамя, объединявшее Директорию с гетманом, было бы лишь знаменем контрреволюции и панщины. Все это опять-таки прекрасно известно Винниченко, но обо всем этом он столь же благоразумно умалчивает, так как, расписываясь в столь горячих своих симпатиях к системе советской власти, он ни на минуту не упускает из виду своей главной цели: представить большевизм и советскую власть на Украине (в ее исторической реальности, а не в винниченковской фантазии) как дело русских и коммунистов, вдобавок, не освободившихся от великодержавных и националистических замашек.

Присмотримся несколько поближе к аргументации Винниченко:

«Название «петлюровец»,—пишет он,—во время борьбы с большевиками (т. е. во время советской революции на Украине в январе—феврале 1918 г.—*О. А.*) носило специфический, контрреволюционный характер, а имя Петлюры слыло в среде революционных элементов, особенно же пролетариата, как имя заведомого контрреволюционера. И это вынуждало наиболее сознательные и революционные элементы относиться к нашему движению с большой сдержанностью и осторожностью».

Итак, по признанию самого Винниченко, среди украинского населения, «особенно же пролетариата», слово «петлюровщина» уже «во время борьбы с большевиками» стало синонимом контрреволюции. Что же противопоставлялось этой контрреволюции в сознании украинских масс, как революция? Ответ ясен из приведенных слов Винниченко: подлинной революцией массы считали большевистское движение, украинскую советскую революцию. Вот почему украинская Центральная Рада—политические единомышленники Винниченко—не нашла ни одного стойкого полка, чтобы противопоставить его этой советской революции; вот почему она с такой позорной поспешностью укрывалась от штыков своего собственного народа под защиту германских штыков.

Правда, тогда была петлюровщина, а теперь ведь началось «наше движение», движение винниченковской Директории. Однако

не априори сам Винниченко описывает начало этого движения как «начало петлюровщины». А на дальнейших страницах Винниченко весьма убедительно доказывает, что движение, начавшееся как петлюровщина, продолжалось и развивалось,—конечно, вопреки его, Винниченка, желаниям и стараниям,—тоже как петлюровщина, как атаманщина, как подлинная контрреволюция; как петлюровщина и контрреволюция оно и закончилось и с тем же именем отошло в историю.

Совершенно естественно, что эту повторную петлюровщину,—петлюровщину Директории,—постигла совершенно та же судьба, что и ее первое издание—петлюровщину Центральной рады: революционные массы Украины, вовлеченные Петлюрой и петлюровскими Винниченками посредством обмана, красными знаменами и «радянскими» лозунгами, в борьбу за петлюровское дело, повернули свои штыки против петлюровщины, как только rozpoзнали обман. Сам же Винниченко повествует нам, как и почему это произошло:

«Инициаторы предвидели,—говорит он,—что главной силой революционного движения будет сельский и городской пролетариат. И действительно, повстанческая армия пополнялась главным образом пролетарским элементом... В городах же и местечках активной инициативной силой были, разумеется, рабочие как украинские, так и иных национальностей. Само собой разумеется, что этот элемент не мог удовлетвориться теми неопределенными лозунгами, которые выставлялись Директорией, и «самочинно» начал их расширять, организуя повсюду революционные комитеты, носившие преимущественно характер советской власти».

Итак, основной силой движения были пролетарские элементы. Естественно, что эти элементы тотчас после победы стали «самочинно» строить советскую власть.

Надо обладать поистине всею беспринципностью мелкого буржуа, чтобы после всего этого изображать советскую власть и советское правительство на Украине как выдумку русских большевиков, а вторую украинскую пролетарскую революцию—как нападение «националистического» пятаковского правительства на революционную украинскую Директорию.

Самого себя Винниченко, разумеется, старается изобразить как подлинного революционера и даже «почти» большевика, правда, сторонника «национальных украинских рук» в деле строительства украинской «государственности». Он всячески старается огородиться от петлюровщины. Однако в этом деле он достигает отнюдь не большего успеха, чем какого в свое время достиг Керенский в своих стараниях отгородиться от корниловщины.

«Даже с точки зрения «исключительно национально-государственной позиции» всякому «более или менее дальнзоркому политику должно было быть ясно, что логическое развитие движения приведет к большевизму и что в интересах украинской государственности необходимо не упускать инициативы из своих рук, необходимо обеспечить себе заранее украинский характер той власти, которая неминуема должна прийти».

Как мы видели, по словам самого Винниченко, советская власть устанавливалась немедленно и «самочинно» пролетарскими элементами украинского города и украинской деревни повсюду, где они побеждали. Теперь он заявляет, что самое развитие этого украинского революционного движения «неминуемо» должно было привести к большевизму. Спрашивается, для чего же Винниченко так старался «обеспечить себе (?) заранее» тот «украинский характер» власти, которым она и без того обладала на все 100 процентов, поскольку она «самочинно» создавалась украинскими пролетарскими элементами?

Смысл этих своих стараний раскрывает нам сам Винниченко подробным изложением той политической программы, которую он придумал и предложил Директории в противовес петлюровщине. Как оказывается, Винниченко стал не больше и не меньше как сторонником «системы советской власти»:

«Предвидя, что сдержать это движение (т. е. движение в пользу установления советской власти.—С. А.) невозможно..., зная, что движение не минуемо захватит наши массы, что оно сотрет нас, если мы будем ставить ему препятствия, а с другой стороны не желая выпустить инициативы и руководства из национальных украинских рук, я еще в Фастове поставил перед Директорией вопрос о принятии системы советской власти на Украине... Этой социальной смелостью мы привлекли бы на сторону украинского национального возрождения таких активных и сильных сторонников, как пролетариат деревни и города. Становясь на почву советской власти, мы лишили бы русских большевиков возможности выступить против нас и стремиться к захвату власти... Сверх того, будучи введена по инициативе и по указаниям самой Директории, советская власть могла бы быть организована по такому принципу, чтобы ее национальный украинский характер сохранился в полной мере и чтобы от этого дело нашего национального возрождения и нашей государственности не пострадало».

Итак, советскую систему Винниченко противопоставляет украинскому национальному возрождению, как он его понимает. Для того чтобы уничтожить противоречие между ними, для того чтобы «привлечь на сторону» такого «возрождения» пролетариат деревни и города, наконец, для того чтобы движение в пользу советской власти не стерло «нас», Винниченко предлагал осуществить советскую систему «национальными украинскими руками», не подпуская, очевидно, к этому делу ни русских, ни—боже упаси—евреев, и сверх того осуществить «по указаниям Директории». Так думал Винниченко лишить «русских большевиков» возможности «стремиться к захвату власти».

Мы видим, что «советская система», осуществляемая «национальными украинскими руками» Винниченко, сразу утрачивает ту основную черту, благодаря которой великая Октябрьская революция зажигала таким энтузиазмом колонны своих борцов и стала знаменем международного пролетариата: противопоставляя «украинские руки» русским или еврейским, воздвигая в среде рабочего класса национальные перегородки, эта «советская система»

безнадежно утратила бы свой интернациональный характер, характер объединения пролетариев всех наций против буржуазии всех наций.

Но этого мало. Предлагая свою «советскую систему», Винниченко, как мы видели, хотел «обеспечить себе заранее украинский характер власти». Какими же путями хотел он этого добиться? Об этом нам опять-таки повествует сам Винниченко, хотя и в несколько «облагороженных» выражениях. Стараясь склонить Директорию на свою сторону, Винниченко указывал,

«...что если инициатива советской системы будет исходить от нас, то мы сможем установить такую систему выборов в эти советы, чтобы украинский национальный элемент был в них вполне обеспечен».

Но обеспечение «украинского национального элемента» с помощью «системы выборов»,—это означает на более откровенном языке установление национальных ограничений при выборах в советы, это означает предоставление «господствующей национальности» иных избирательных прав, чем национальностям не господствующим. «Советская система»,—как новая система национального угнетения... Петлюра мог бы с полным правом возразить этому «почти большевику»: «Ведь я добивался того же самого,—за что же ты бранишь меня контрреволюционером?»

А дальше—новое откровение о той же «советской системе»:

«Мы не обязаны,—убеждал Винниченко своих противников,—поступать так, как поступают русские большевики, которые одного работника-металлиста приравнивают к десяти или пятнадцати крестьянам. Мы можем дать более справедливое для нашей нации представительство сельским рабочим в этих органах власти».

«Сельские рабочие» появляются тут, очевидно, ради более «красного», «почти большевистского» словца. Суть дела, конечно, в крестьянах, столь несправедливо обиженных «русскими большевиками».

«Советская система» Винниченко является не только «более справедливой для нашей нации». Представляя собой уничтожение диктатуры пролетариата, эта система по своему социальному содержанию как две капли воды похожа на те «свободные советы» или «советы без большевиков» (Винниченко сказал бы: без русских большевиков), которые всего через 11½ года после Винниченко так восхвалял Милоков, как лозунг кронштадтцев.

От откровенной петлюровщины, организовавшей еврейские погромы, перекрашивавшей вывески и отдававшей власть в руки атаманины, «советская система» Винниченко отличалась бы ровно настолько же, насколько отличалась керенщина от корниловщины: она представляла бы собой лишь более искусный способ обмана масс. Массы, которые уже перестали бы верить петлюровскому красному флагу,—эти массы еще можно было бы в течение одного исторического часа держать в обмане с помощью винниченковской «советской системы». Однако Винниченко, как и всякий избретатель, несколько увлекается, полагая, что будь осуществлена его

система обмана, а не петлюровская,—и массы не смогли бы стереть «нас», а так и оставались бы одураченными. Ведь сам Винниченко повествует, что ему удалось в конце концов надуть если не массы, то своих сотоварищей по Директории и провести «полусоветскую систему» в виде так называемых «трудовых советов» и «трудового конгресса». Однако эта «полусоветская» система никого не обманула. И трудовые советы, и трудовой конгресс, по свидетельству самого Винниченко, остались «мертворожденными», а украинские революционные массы все же пошли за большевиками и выгнали вон из советской Украины как всех Петлюр, так и их более «левых», но столь же «национально-украинских» Винниченко.

Описывая этот последний процесс,—процесс вышвыривания Петлюр и Винниченко народными массами из «ридной» Украины,—Винниченко все же хочет быть умнее Петлюры, желавшего втереть очки простым враньем и уверявшего, что его выгнали из Украины русские большевики-империалисты. Нет, Винниченко прямо заявляет:

«И не российское советское правительство выгоняло нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории».

Винниченко не был бы самим собою, если бы из-под «почти большевистской» шкуры у него не высывалось длинное петлюровское ухо. Признав, что «нас» выгонял из Украины «наш собственный народ», он не может не упомянуть, применительно к петлюровской подлости, о «русских советских войсках».

Еще пикантнее, однако, то, что говорит наш «полубольшевик» о восстании против Директории на Левобережьи. Здесь мы у него читаем: -

«Когда Директория выпускала свою декларацию, то на Харьковщине и Полтавщине уже организовывались повстанческие отделы селянской силки под предводительством главным образом украинских левых эсеров... однако уже не против разбитой гетманщины, а против Директории, которая порола крестьян розгами, целовала панам руки и оставляла гетманщину на старых местах».

И вслед затем Винниченко высмеивает вранье атамана Болбачана, который, воюя с повстанцами, посылал Директории донесения, «что героически борется с войсками русских коммунистов».

Но через несколько страниц, забыв свои насмешки над Болбачаном, сам Винниченко пишет:

«Тем временем восстание против Директории все больше и больше разгоралось на Левобережьи. Оно происходило частью под руководством левых эсеров (украинских.—С. А.), а главным образом российского советского правительства».

Повторяя побасенки враня Болбачана, Винниченко попадает вместе с ним в одну компанию с вранями из числа «русских» белогвардейцев, которые также с возмущением рассказывали, что их побили не русские красновардейцы, а «латыши и китайцы». Международным Винничкам, как и Болбачанам и Денкиным, никогда не понять интернационального характера пролетарской

революции; потому им предстоит и впредь много раз удивляться, когда их будут бить, наряду с «национальными», также и русские и китайские коммунисты.

Изложенные специфические черты авторства Винниченко отнюдь не отнимают, однако, весьма значительной ценности от приводимого им в статье фактического материала. Материал этот составляют, с одной стороны, данные о неудержимом и независимом от какой бы то ни было агитации «российских коммунистов» развитии большевизма в стране, о непреодолимой тяге рабочих и крестьянских масс к советской власти (конечно, не в «винниченковской» форме, а в том виде, как она была осуществлена под руководством Ленина в республике Советов), с другой стороны— в высшей степени яркие и поучительные данные о контрреволюционной деятельности Директории и петлюровщины. Обе эти части конкретного исторического материала, содержащегося в статье Винниченко, представляют незаменимую ценность как для читателя, так и для исследователя, так как мы получаем их из первоисточника.

Мы достаточно касались первой части фактического материала статьи в предыдущем изложении. Что касается второй его части, то данные Винниченко устанавливают прежде всего удивительное сходство петлюровщины с такими «российскими» формами контрреволюции, как, напр., колчаковщина или деникинщина. И там и здесь режим, устанавливаемый контрреволюцией, характеризуется прежде всего самовластием военщины, диким произволом здесь—«атаманщины», там—офицерщины над беззащитным населением, у которого остается только один выход: восстание против режима, реставрирующего худшие времена царского самодержавия.

«В провинции, не говоря уже о Левобережьи, вся власть и политика была... в руках либо военных комендантов, либо самодержавных комиссаров, либо, еще хуже, атаманов, руководивших военными операциями. Вследствие этого декреты Директории, ее благие намерения и декларации оставались лишь хорошими словами, а в действительности совершались атаманские дела со скверными последствиями».

Даже в самый разгар «полубольшевистской» весны Директория Болбачан, свергнувший под знаменем Директории гетманщину на Левобережьи, ведет себя не лучше гетманского сатрапа, расстреливает рабочих в Харькове, сечет розгами членов крестьянского съезда в Полтаве.

Большим героям атаманщины подражали ее бесконтрольные и самодержавные малые герои, получавшие в полное свое распоряжение города и села из рук «головного атамана» и... самой Директории..

«В результате над населением часто совершались насилия, несправедливости, брались взятки, покрывались спекулянты-гетманцы, защищались интересы помещиков и разных социальных преступников».

Если на селе режим петлюровщины (под это понятие всецело подпадает и режим Директории, несмотря на пышные «декларации»